

Ма — послушные куклы в руках у творца.
Это сказано мною не ради словца.
Нас на сцене всевышней на шитках водит
и пихает в сидушек, убеда до конца.
Омар ХАЙЯМ.

Человек из зала

Римма ДЫШАЛЕНКОВА

«Что в существе разумном
мы зовем божественной
стыдливостью страдания?»

В середине семидесятых годов я часто бывала в Москве: заканчивалась шестилетняя учеба в литературном институте, крепко удерживали дружеские связи с одноклассниками и учителями, музеями, библиотеками и театрами. Надо было послушать философа П. Шенкера: «Мозг человеческого составляет одну двадцатую человека и не имеет права свидетельствовать за всего человека...», надо было смотреть графику Фоменко, надо было хлопотать о выпуске сборника собственных стихотворений, надо было знать сверхзадачи популярных режиссеров.

Это казалось очень важным, потому что живой спектакль почти никогда не выполняет сверхзадачи, а порой и прямо поворачивает в другую сторону. Анатолий Эфрос ставил в театре на Малой Бронной Шекспира «Отелло». Поговаривали, что сверхзадачей было показать торжество зла, что главной фигурой становится всемогущий Яго, его и играет Лев Дуров, играет всепроникающе, истинный маленький дирижер большого зла. А вот на роль Отелло приглашен из «Современника» великолепный Гафт.

Билетов, конечно, не было. Мне билет презентовало издательство «Современник». Так оно уважало за авторами, прибывающими из глубины сибирских руд.

Наверное, самый опасный спектакль — это золотая классика: все все знают. У каждого зритель в зале своей «Отелло», свой «Ревизор», своя «Чайка», свои «Мастер и Маргарита». Спектакль шел своим чередом, все было и остро, и приятно, и прекрасно. Сцена накалялась, накалялся и зрительный зал. И вдруг в момент,

когда великолепный мавр — черниль Гафт, сверкая глазами, как пантера, произнес знаменитую фразу «Ты перед сном молился. Демон-на?», зал сорвался в неистовый восторг. Грянули аплодисменты. Галерка завопила: «Молодец, Гафт!» Затем беспощадно часть зрителей покинула зал. Затасканная анекдотами и журналистами фраза отсоединилась от ткани спектакля и победила и Шекспира, и актеров. После этого срыва трагедия уже не достигла желанного катарсиса. Но и так тоже хорошо.

Та же самая история почти повсеместно происходит и с «Чайкой» Чехова. У нас, наверное, треть страны — это одинокие женщины — Аркадины, они растут генеральных, никому не интересных сыновей — Костенек Третьяковых, они, как и я, боятся ходить на спектакль «Чайка». В других семьях так же маются Ниночки Заречные, рано или поздно подстерживаемые «чайки». И то ли от того, что зритель защищается от беспощадных спектаклей, то ли потому, что «все все знают», почти каждый виденный мной спектакль в

конце концов сползает к холодному ожиданию: как все-таки очередной режиссер изловчится и убьет Костю Третьякова...

Слава Богу, что в зале всегда есть люди, которые в театр пришли в первый раз. На одном из театральных фестивалей, куда съехалось сразу шесть «Чайек», за что критики прозвали фестиваль «птичий базар», гость из Голландии — актер и режиссер Тео сказал примерно следующее: «Вы, русские, просто укутаны в шнели традиции. Уже сто лет идет традиционная «Чайка», и никому по-прежнему нет дела до театра Кости Третьякова. Для чего же его ищет Чехов? И как бы поставил «Чайку» гениальный Костя Третьяков, если бы не застрелился?» Но так тоже хорошо.

Стодами мне стали милее родные городские театры, то, что столицы называют «театральной провинцией». «Чайка» в провинции звучит выразительнее, трагичнее, она полнее выражает то, «что в существе разумном мы зовем божественной стыдливостью страдания...»

Со второго Международного театрального фестиваля «Театр без границ» Формируется душа Магнитки

Владимир ДОСАЕВ, директор драматического театра на вопрос: есть ли у фестиваля проблемы, ответил — нет проблем. Зритель есть, остальное будет!

— Наш театр встречает свое пятидесятилетие в полных силах. Как некая сверхновая звезда, он стремительно вращается по календарю сам и притягивает к себе и пространство, и время, и большое количество людей, земляков, столиц ближнего и дальнего зарубежья.

Идея отметить 60-летие магнитогорского театра фестивалем утвердилась в апреле этого года в Санкт-Петербурге на фестивале «Балтийский дом». Театры уральско-сибирской зоны решили, дескать — победим хаос, проявим цеховое братство и поклонимся молодой Магнитке. Денежные расходы поделили пополам: приедут гости за свой счет, а накормят, обнимут и поцелуют гости Магнитогорск. Гонораров заработать не будет. Зато 20 дней город будет переживать свой опыт художественно, сравнивая себя с персонажами разных времен и народов. Театр — он ведь как машина времени путешествует, не ленясь.

Каждый приезжий театр гостит три дня: ставит свой спектакль, обсуждает его на сценной критике, день отдыхает и уезжает. График приема и проведения гостей работает четко. Живут гости на острове Банном в доме отдыха «Лесисто» треста «Магнитострой», и спасибо Шарипову Марату Толиатовичу, руководителю культурно-оздоровительного центра «Здоровье» строителей за деловое сотрудничество с таким большим фестивалем.

На фестивале работает пресс-центр и секция критиков, среди которых известные московские театроведы Н. Старосельская, Л. Лебедина, зам. редактора журнала «Театральная жизнь» О. Кузнецов, газета «Культура», Е. Роза-

Ну что же, шестьдесят тысяч металлургов вместе со своими женами и детьми, наверное, знают цену культуре мирной жизни, которую, в частности, обеспечивают и Магнитогорский драматический театр имени А. С. Пушкина на протяжении шестидесяти лет...

Беседы со зрителями

Что мы знаем об актерах?

— Актеры робеют в любой обстановке, кроме сцены.
— На сцене они и царствуют.
— А зрители на сцене робеют.
— Актеры за нами ухаживают, и мы должны за ними ухаживать.

— Актеры — синоним вкуса и элитности...
— Актер, в отличие от нас, беспокоится о своем теле и о своем духе.
— Все настоящие мужчины ушли в актеры...

Критики

Критики ничего хорошего не говорят. Им нет дела до того, что зал в 500 человек рукоплескал и кричал «Браво!». Им нет дела до израсходованной энергии актеров. Они как ЦЗЛ на заводе: какое нам дело, что вы бригадой ут орали, варили сталь? Сталь-то плохая...

Мне кажется, критики сегодня нарушают эстетическое равновесие, где одинаково важно: что играет театр и как играет театр.

Храм религиозный вершит дело прикровенное: там человек о глав-

нова — «Театр наций»...

Театр принарядится: на третьем этаже в фойе — элитная выставка натюрмортов магнитогорской художницы, преподавателя педагогического института Алты Портновой. На втором этаже романтическая и фантастическая живопись Эдуарда Анкинова, магнитогорца, студента Петербургской академии художеств имени Репина.

За полчаса до спектакля в фойе музицируют знаменитые юные музыканты напеть о музыкально-педагогического института, лауреаты Всероссийских конкурсов. Театр наполнен духовной энергией многих людей. Можно бегать лепиться в центр такого духовного сияния. А зрители! 500 человек ежедневно обитают в театре в лучшем расположении духа. Именно здесь и сейчас из высоких мыслей и чувств всех участников фестиваля формируется Душа Магнитогорска, современная Магнитка. Основные зрители, к нашему счастью, молодежь, студенты орно-металлургической академии, педагогического института, музыкально-педагогического института, лицеисты, старшеклассники, подростки в обществе мам, пап и бабушек. Красивая, миролюбивая публика, сердечно реагирующая на духовные, этические и эстетические искания мастеров театральной сцены.

— Владимир Александрович, чем побаловал вас могучий металлургический комбинат к 60-летию театра?

— Пока ничем.

— А что бы вы хотели получить в подарок?

— Подарили бы нам автобус «Икарус», мы были бы счастливы.

— Актеры очень суеверны. Они боятся говорить о спектакле, пока не сдадут его на суд зрителя (на наш суд, дорогие магнитогорцы).
— Они боятся менять зеркала и гримерки, боятся, когда падают ножки и вилки...
— Они боятся весны, потому что к весне кончается театральный сезон и в театре во множестве появляются мыши, спасающиеся от холода. У актрис начинаются истерики (уехали отапливать Вселенную).

ном молчит даже на неведении, дескать, грешен я, баюшка... Театр является перед нами, как храм откровенности. Только в театре зритель может участвовать в сцене такой предельной откровенности: «Ты джельси со мной в постель второй раз? — Нет. — Почему? — Я же католичка...» Это текст из пьесы Б. Стринда «Через год в этот же день». История двух взрослых людей, случайная встреча которых длится в течение 25 лет... Ее сын раз магнитогорцам муниципальный театр из города Чайковского (бывший Воткинск).

Вместо рецензии

«Многие заметили в спектакле не только юмор, но и попытку серьезно разобраться в том, какое влияние оказывают на нас сильные злые силы этого разоблаченные книжкины, где рассказывают правила поведения своему народу, где учат жить красиво. При Екатерине II это были книжкины, сегодня это радио, кино, телевидение, театр, концертные залы, бесчисленные шоу, тусовки, хит-парады и прочая «мура», охватившая нас, как метастазы смертельной болезни. Все показывают и рассказывают, как надо жить, с кем надо жить, как проводить время в Париже, на Гаванских островах и других элитных местах планеты, какими пакетами и таблетками надо пользоваться. Некоторые не понимают, над чем мы смеемся, хотя и смеются вместе с нами... Не надо огорчаться, если что-то непонятно, сердце — оно все понимает, а именно к сердцу прежде всего и обращается театр».

«Тобольская правда», 23.05.95.

На снимке: сцена из спектакля Тобольского драмтеатра «Любовь — книга золотая», показанного в ходе фестиваля.

Театральные анекдоты

После репетиции актер говорит своему партнеру:

— А теперь айда на граммзанись.

Поднимаются (или опускаются) в буфет.

— Катя, налей нам по 100 грамм и зашиши на меня.

(В нашем театре во время репетиций граммзанись нет).

— Кто по-вашему самый популярный артист?

— спросил одного актера.

— Нас несколько. — скромно ответил тот.

Двое мужчин отдыхают на скамье возле театра. Мимо идет первая актриса театра. Один гово-

Театр и дети

«А на войне интересней...»

Обыкновенно дети попадают в театр в возрасте четырех лет. Петя начал собираться в театр в 7 часов утра. Он интересовался всем: театр — это близко или далеко? Театр — это лес или река? А кто ходит в театр? А кто живет в театре? Волнение не было предела. За час до начала спектакля мама с Петей были уже в театре. «Это что?» «Маска». «Зачем?». «Чтобы показать, что люди смеются и плачут». Петя громко смеется. «Тинше, Петя». «Разве можно смеяться тихо?»

Детей оказалось много, полный зал. Петя так разволновался от встречи с театром, что счастливый уснул, как только начался спектакль. Свершилось.

Анечка утром посмотрела спектакль «Золушка». Весь день переживала и рассказывала, переделывала и изображала то злых сестер, то короля, то принца, разговаривала с котом, с чайником, с принцессой Водичкой. К вечеру задремала, а в сумерках говорит: «Мама, пойдем в театр». «Театр уже спит». «Нет не спит, там Золушка, ей одиноко, возьмем сек нам почевать?»

Спектакль кончился. Сережа с мамой сидели в первом ряду зрительного зала. Сережа запрокинул голову к потолку: «Мама, а что там в углу — похоже на пушки». «Да, это световые пушки». Сережа подумал и сказал: «Мам, а на войне интересней, чем в театре?»

рит: «Мне кажется, она популярна только потому, что красавица». Другой: «А мне кажется, что она популярна только потому, что она — актриса».

Заезжий режиссер поставил спектакль. После сдачи актеры беседуют в курилке.

— Как тебе музыка к спектаклю?

— Да так себе, средние.

— А сценотграфия?

— Халтура.

— Ну а режиссер-то что же?

— Да что ты, не знаешь — он же дерьмо!

Из-за сцены актера везанное появляется режиссер-постановщик: «Вы назвали меня дерьмом?»

— Да, я назвал вас дерьмом, но в лучшем смысле этого слова.